

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 94(47) DOI 10.25986/IRI.2025.100.2.001

Е. А. Мельникова

ИВИ РАН, Москва, Россия. melnikova_2002@mail.ru

ВОИСТЪ ВОИКОВЪ РУССКО-ВИЗАНТИЙСКОГО ДОГОВОРА 944 г. И СОСТАВ ЭЛИТЫ РУСИ СЕРЕДИНЫ X в.

Большинство участников (76 или 77) заключения русско-византийского договора 944 г. носят скандинавские имена. Число лиц со славянскими именами, *Святославъ*, *П(е)редъслава*, *Володиславъ* (доверители) и *Синько* (и) *Боричь* (купец или купцы), можно пополнить именами *Воистъ* (посол, вероятно, гиперкористика имени *Воигостъ*) и **Воикъ* (доверитель), а также именами/прозвищами послов, *Либи* и *Ятвягъ*, образованными от древнерусских этнонимов. «Княжья» включает членов рода Игоря и «подплатежных» Киеву правителей локальных полities, скандинавов и славян. Состав послов, «княжих мужей», полиэтничен, купцы/дружинники почти полностью скандинавы. Трехуровневая иерархия знати середины X в. – один из показателей политики раннегосударственного типа.

Ключевые слова: Русско-византийский договор 944 г., славянские личные имена, состав древнерусской элиты середины X в.

Автор сердечно благодарит Т. В. Гимона и А. С. Щавелева за советы и замечания при работе над рукописью статьи.

Русско-византийский договор, помещенный в «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) под 6453 (945–946) г. и относимый исследователями к 944 г., хотя дата его заключения в самом договоре не указана (в отличие от договора 911 г.) и время его составления может охватывать промежуток между августом 931 и декабрем 944 г. [Щавелев 2020, с. 351]¹, содержит пространный перечень участников его заключения [ПСРЛ, т. 1, стб. 46–47; т. 2, стб. 35–36; I *treatati*, р. 67–126]. Структура перечня, в отличие от простого списка послов князя Олега, состоит из трех групп лиц: доверителей, их послов и «гостей»-купцов.

Доверители «рода рускаго», как они обобщенно названы в тексте («Мы от рода рускаго съли и гостье...»), личного участия в заключении договора не принимают. Это князь Игорь, его сын и жена, два племянника и 20 других лиц, направившие послов «от Игоря, великого князя Рускаго, и от всяка княжья и от всѣхъ людий Руския земля» [ПСРЛ, т. 1, стб. 47]. От имени этих 25 лиц выступает 25 послов², среди которых выделен посол князя Игоря, Ивор (посол главы государства и, соответственно, глава посольства?), тогда как все остальные названы

¹ В дальнейшем я буду для краткости пользоваться традиционной условной датой 944 г., сознавая ее относительность.

² Я полагаю, что количество послов должно соответствовать количеству доверителей.

«объчии сли». Посол и доверитель указываются вместе по формуле *имя посла в именительном падеже + имя доверителя в родительном падеже*: «Слуды Игоревъ», «Кары Турьдовъ» и т. д. Из пар доверитель – посол выпадает только один случай: во всех списках ПВЛ отсутствует имя доверителя после имени посла Сфирки: «Стегги Етоновъ Сфирка <...> Алвадь Гудовъ». Этот пропуск трактуется подавляющим большинством исследователей как случайный³, допущенный либо автором ПВЛ, либо переводчиком договоров с греческого языка, и читаться должно «Стегги Етоновъ; Сфирка ... [-овъ]; Алвадь Гудовъ» [Повесть, с. 23]⁴. Таким образом, число послов, как и доверителей, участвовавших в заключении договора, – 25.

Третью категорию составляют «купцы», всего 26 или 27 (в зависимости от трактовки двух последних имен «Синько Боричь» (чтение Лаврентьевской летописи; далее – Л) как двух самостоятельных имен (в настоящее время эта трактовка доминирует) или как «Синько биричь» (чтение Ипатьевской летописи; далее – И) как личного имени и приложения).

Таким образом, протокол договора свидетельствует об участии в процедуре его заключения 76 или 77 человек. Количество личных имен в списке существенно меньше, чем число участников договора: некоторые имена носят два, три и даже четыре человека: *Алдань* (доверитель и купец), *Игорь* (великий князь и его племянник), *Прастнь* (послы Турьда, Акуна и Берна) / *Фрастнь* (купец), *Роалдь/Руалдь* (два купца), *Сфир(ь)ка* (доверитель, посол), *Турьдь* (два доверителя), *Ульбь* (посол, умерший (?) муж доверительницы) / *Ольбь* (купец). В общей сложности в списке договора зафиксировано 67 (68) личных имен.

Списки содержат имена различного происхождения. Для двух из них (*Етонь* и *Мутурь*) ни одна из предлагавшихся этимологий не представляется удовлетворительной. Наибольшее количество имен имеет скандинавское происхождение, – по моему мнению, 48 (включая *Утинь* < *Oddr* или *Oddi*). Еще три имени, *Аминовъ*, *Евлискъ* и *Тилень* (чтения по Л), могут быть предположительно отнесены к скандинавским. К ним также следует причислить имя *Истрь* (< *Æistr*) – скандинавское обозначение эстов (ср. др.-рус. *чюдь*), которое вместе с производными *Æistfari* и *Æistulfr* было популярно в Средней Швеции в XI в. [Peterson, s. 262–263; Мельникова 2014а; Мельникова 2025]. По одному представлены имена древнеанглийское (*Актеву*), немецкое, точнее баварское (*Каницарь*), мусульманское (*Апубскарь*).

К восточнославянскому именованию традиционно относят пять имен. Это прежде всего имена доверителей, *Святославъ*, *П(е)редслава*, *Володиславъ*, а также купец или купцы *Синко/Синько*⁵ (и) *Боричь*. Однако число славянских имен не ограничивается этими пятью.

Во-первых, к славянским (древнерусским) именам следует причислить отэтнонимические имена двух послов: *Либи* и *Ятвягъ* [Мельникова 2014а]. Б. Струминский и С. Л. Николаев предлагают скандинавский и «варяжский» этимоны имен, исходя из общего убеждения, что абсолютно все имена участников договоров, кроме трех, *Святославъ*, *П(е)ред(ь)слава*, *Володис-*

³ Еще один такой очевидный пропуск имеется в Лаврентьевской летописи, где отсутствует имя посла Воика (см. ниже).

⁴ Стремление Б. Струминского установить во что бы то ни стало скандинавский этимон имени **Етонь* (замечу – как и всех других имен в договоре, кроме очевидных славянских *Святославъ*, *П(е)ред(ь)слава* и *Володиславъ*) заставило его предположить, что имя доверителя не **Етонь*, а *Стегги Етоновъ*, где *Етоновъ* – прозвище *Стегги*, а имя его посла – *Сфирка* [Strumiński, p. 174]. Однако имена *Стегги* и *Етоновъ* не согласованы и стоят в разных падежах, именительном и родительном соответственно, что полностью согласуется с формулой посол – доверитель. Имя *Етонь* Б. Струминский возводит к др.-сканд. *jōtunn* «этон», великан в древнескандинавской мифологии. Он объясняет рефлекс *e*- отсутствием преломления *ē* > *jō*-, но формы с восходящими дифтонгами регулярны уже в начале IX в. В силу крайне негативных коннотаций слова *jōtunn* его употребление в качестве личного имени ни разу не засвидетельствовано в древнескандинавских источниках и всего один раз – в качестве препозитивного прозвища. Поэтому этимология Б. Струминского более чем сомнительна.

⁵ Б. Струминский предположил, что имя *Синко* – древнерусская гипокористика болгарского (исконно греческого) имени *Симеон* (*Συμεών*) [Strumiński, p. 179]. Однако это имя традиционно и обоснованно считается древнерусским, что подтверждается его присутствием в других источниках: известен Кирилл Син(ь)кинич (НПЛ. С. 72, 282 под 6741 г.). См. также: Тупиков 2005. С. 412).

лавъ, являются скандинавскими (Б. Струминьский) или отражающими «варяжский» диалект северогерманского языка, который автор реконструирует на основе «специфических» фонетических особенностей этих самых имен (С. Л. Николаев). По мнению Б. Струминьского, *Либи* восходит к др.-герм. **Laibi*, не встречающемуся в германском и древнескандинавском именослове, а *Ятвягъ* – к герм. **JatwīgR* (возможное, но незасвидетельствованное др.-сканд. *Játvígr*), которое было по созвучию заменено на др.-рус. *Ятвягъ* [Strumiński, p. 170, 173]. С. Л. Николаев усматривает в *Либи* «варяжское» *Libi* < **libbē*, со ссылкой на др.-швед. руническое *libi*, которое в действительности трактуется Л. Петерсон не как имя *Libbi*, а как мужское прозвище *lippi* ‘губа’ [Peterson, s. 158, 160]; «варяжское» *Jatv[i]g* возводится им также к др.-сканд. *Játvígr* [Николаев, с. 20, 23]. Представляется, что искать иностранные заимствования можно только тогда, когда лексема не этимологизируется из родного языка, поскольку почти любому одно-двухсложному слову одного языка можно найти подходящий «этимон» в другом языке. В данном же случае древнерусские этимоны надежно засвидетельствованы летописными источниками. Использование отэтнонимических имен (прозвищ) – явление широко распространенное, в том числе и на Руси (ср., например: *Варяжко* [ПСРА, т. 1, стб. 78]). Поэтому имя *Либи* естественнее всего интерпретировать как производное от *либь* (совр. ливы), а *Ятвягъ* – от *ятвягъ*. Оба этнонима многократно упоминаются в древнерусских летописях. Показательно, что имя *Либи* воспроизводит его древнерусскую, а не скандинавскую форму (ср. др.-сканд. *lif*- в топониме *Lifland*). Этноним же *ятвяг* в древнескандинавских источниках не упоминается ни разу. Другой вопрос, каков был этнос послов по имени *Либи* и *Ятвягъ*, были ли они этническими ливом и ятвягом, или получили эти имена/прозвища благодаря неоднократным поездкам к этим народам или каким-то иным близким связям с ними. Думаю, что ответ на этот вопрос – из-за отсутствия информации – вряд ли может быть найден, и теоретически возможны оба варианта. Но какова бы ни была этническая принадлежность этих послов, сами имена имеют древнерусское происхождение, что и должно учитываться при характеристике именослова договора.

Во-вторых, представляется, что к числу древнерусских имен следует отнести также еще два – *Воистъ* и **Воикъ* (в тексте стоит в родительном падеже – *Воиковъ*). В. Томсен называет эти имена «сомнительными» с точки зрения их скандинавского происхождения и никаких этимонов для них, ни скандинавских, ни иных, не предлагает [Томсен, с. 121]. Б. Струминьский считает оба имени скандинавскими. Для того, чтобы установить их древнескандинавское происхождение, он элиминирует в обоих случаях начальное *в*- в древнерусском написании имен, что обосновывает «особенностями греческой передачи др.-сканд. **Øy*-». Это позволяет ему возвести *Воикъ* к **Øykō* и *Воистъ* к **Øystō* [Strumiński, p. 172, 220]. Однако ни одно из этих гипотетических имен не зафиксировано ни в древнескандинавских, ни в других германских источниках. Более того, окончание *-ō* указывает на то, что Б. Струминьский возводит имена не к древнескандинавским формам, а к общегерманским, тогда как анлаут *Øy*- является, напротив, древнескандинавским (восточноскандинавским). Объяснение Б. Струминьским утраты начального *В*- греческой передачей имени также кажется странным: *в*-(*v*-)/*б*-(*b*-) в иноязычных словах не пропадало в греческом языке, а регулярно передавалось бетой (витой): *Βελάνης* (жупан Тервунии), *Βέρτα* (жена Гуго Арльского), *Βάιτζας* (вождь печенегов). Имя сербского князя с той же первой основой *Воисеслав* также передано с бетой – *Βοϊσέσθλαβοσ*⁶ [Тохтасьев, с. 238]. Поэтому я не вижу причины, по которой при записи греческим составителем договора этих двух имен начальная *β*- должна была быть утрачена. Другой вариант этимологии имен предложил С. Л. Николаев, который, реконструируя «предположительно первичную летописную

⁶ Все приведенные имена взяты из близкого по времени к составлению договора 944 г. трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» [Константин Багрянородный, *passim*.].

форму» первого имени как **Вѣиск-овѣ*, выводит его из **Wisk* «варяжского» диалекта [Николаев, с. 18]. Выбор чтения с -ск- не оправдан текстологически (см. ниже), а подобное имя также неизвестно ни германским, ни скандинавским языкам. Таким образом, обе попытки установить скандинавские этимоны имен **Воикъ* и *Воистъ* представляются безуспешными.

Передача этой пары имен, как кажется, оказалась затруднительна не только для современных исследователей, из которых А. А. Горский – единственный, кто высказал осторожное предположение, что имя *Воистъ* славянское [I trattati, p. 100], но и для автора ПВЛ и последующих летописцев, копировавших преамбулу договора князя Игоря. Большинство и древнерусских, и скандинавских (в кириллической транслитерации) имен достаточно легко опознаются, а различия в их написании в разных летописных списках либо отсутствуют (*Иворъ*, *Гунастръ*), либо незначительны (*Акунъ/Якунъ*, *Туръбидъ/Туръбидь*) и не препятствуют идентификации этимона. С именами *Воистъ* и *Воиковъ* ситуация иная. Рукописи дают несколько вариантов написания этих имен:

Летопись \ Статус носителя имени	Посол	Доверитель
Лаврентьевская летопись (Л)	–	Воиковъ
Ипатьевская летопись (И)	Воистовъ	Иковъ
Хлебниковский список (Х)	Воистовъ	Иковъ
Радзивиловская летопись (Р)	Вѣисковъ	Иковъ
Московско-академическая летопись (А)	Вѣисковъ	Иковъ
Новгородская Карамзинская летопись, первая подборка (НК) [ПСРА, т. 42, с. 33]	Воистъ	Воиковъ
Софийская I летопись (СІ) [ПСРА, т. 5, вып. 1, стб. 39]	Воисто	Воиковъ

В основных летописных текстах представлены два варианта чтения имен посла и доверителя: в ИХ/РА *воистовъ/вѣисковъ · иковъ*, в летописях, восходящих к реконструируемому Новгородско-Софийскому своду, СІ и НК, – *воисто/воистъ · воиковъ*. В Л имя посла пропущено. Соотношение этих летописных сводов – предмет продолжающихся дискуссий (введение в проблему см.: [Guimon, p. 93–97]; см. последнее: [Введенский]). Согласно реконструкции А. А. Гиппиуса, некоторые участки текста РА восходят ко «второй» редакции ПВЛ и близки Л, тогда как другие восходят к «третьей» редакции ПВЛ и совпадают с ИХ [Gippius, p. 349–361]. При расхождении написаний имен в списке участников договора 944 г. варианты в РА и ИХ в большинстве случаев совпадают (как здесь) и противостоят Л, СІ и НК: *Туръдовъ* (Л, СІ) и *Турдуви* (НК) – *Тудоровъ* (ИХРА), *Берновъ* (Л, СІ, НК) – отсутствует (ИХРА), *Прастънь* (Л, СІ, НК) – отсутствует (ИХРА), *Иггивладъ* (Л, СІ, НК) – *Ангивладъ* (ИХ), *Антивладъ* (РА) и др. Как показал А. А. Гиппиус, соответствие чтениям Л, отличным от РАИХ, обнаруживается в летописях Новгородско-Софийской группы, прежде всего в НК первой подборки и СІ, и это явление достаточно распространенное [Гиппиус, с. 81–82]. Поскольку имя доверителя, пропущенное в Л, читается в НК и СІ, это дает основание считать, что в Л также должно читаться *воистъ · воиковъ*, а не *воистовъ · иковъ*, как в ИХРА. Достаточно очевидно, что словоделение имен *воистовъ · иковъ* произошло в протографе Ипатьевского и Хлебниковского списков и было повторено в опирающихся на Ипатьевскую летопись на этом участке текста Радзивиловском и Московско-Академическом списках ПВЛ. В результате имя посла, которое должно

стоять в именительном падеже, получило окончание родительного падежа, а имя доверителя утратило первый слог и превратилось в *Иковъ*. Вариант Радзивилловской и Московско-Академической летописей с *-ск-* вместо *-ст-* во всех остальных списках можно отнести к ошибке писца в их протографе. Таким образом, имя посла *Воистъ* восстанавливается вполне уверенно.

Имена *Воистъ* и *Воикъ* могут быть сопоставлены с древнерусскими именами с встречающейся как в апеллятивах (*воинъ* и др.), так и в личных именах основой *Вои-*. Широкую распространенность имен с этой основой отметил А. А. Зализняк [Зализняк, с. 432]. Неоднократно засвидетельствовано имя *Воигость/Воигость*⁷. Среди носителей этого имени Воигость, заложивший в Новгороде в 1115 г. каменную церковь Федора Тирона [ПСРА, т. 2, стб. 204]; вероятно, о нем же сообщает граффито из Софии Новгородской: «---[м]-[р]-а(-) [о]у[б]иенъ Воиго[с](т)- (Гюр)ьгевичъ а погр(е)[б]ен[ъ] апри[ла въ] .ѣ. ---[в]о-[т]--ъто (...)»⁸. Он мог погибнуть в битве с чужью 9 марта 1116 г. Известны имена *Воиславъ*⁹, *Военегъ*¹⁰, **Въица*¹¹, а также топонимы с именами на *Вои-*: *Воибудино*¹² и др. Представляется вероятным, что имя посла *Воистъ* является гипокористикой имени *Воигость/Воигость* с выпадением начального слога второй основы (ср.: *Воць* от *Воиславъ* [Зализняк, с. 149]). Это выпадение могло произойти как при записи имен на греческом языке, так и при переводе договоров на древнерусский язык или в протографе ПВЛ.

Засвидетельствовано в источниках и имя *Въикъ* > *Воикъ*. В Ипатьевской летописи под 6595 (1086) г. рассказывается об убийстве князя Ярополка Изяславича, которого «... взяша отроки на конь передъ ся Радко и Воикина и инии отроци несоща к Володимерю и отгуди Киеву» [ПСРА, т. 2, стб. 198] (В ЛРА «Радъко Въикина» [ПСРА, т. 1, стб. 206]). Имя второго «отрока» передано в притяжательной форме – по имени его отца (?). Также в притяжательной форме это имя названо в надписи на внешней стороне новгородской берестяной грамоты¹³: «*Ѡ* кюръака къ вышенѣ оже князь поиде присъли ивана хроушки-н[иц]- (шело)мъ и брънѣ и щит[ъ и к](о)[п]ѣ а воронца въ[и]къвъ пра-----тъ въ бъръ[з](ѣ) ----- [н]е поидеть ----- (н)[е] съ[ли] (...) («От Кюръака к Вышене. Если князь пойдет [в поход], пришли шлем, доспехи, щит и копье Ивана Хрушкинича, а Воронца Войка – [такие-то вещи] ... срочно ... [Если же] не пойдет, [то] не присылай»). Речь идет о подготовке к намечавшемуся походу и присылке предметов вооружения Кирьяку. Он просит прислать шлем, доспехи и копье, принадлежащие некоему Ивану Хрушкиничу, а также коня по кличке Воронеж, владельцем которого, очевидно, является *Воикъ*.

Важно также отметить, что доверитель и посол носят имена с одинаковой именной основой *Вои-*, что, как было убедительно показано А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенским, типично для ранней практики имянаречения в Древней Руси (и не только в ней): в даваемом ребенку имени сохранялась одна из основ имени близкого родственника и варьировалась другая основа [Литвина, Успенский, с. 31–70]. Можно поэтому полагать, что *Воик* и *Воист* были достаточно близкими родственниками: отцом и сыном, дядей и племянником или т. п., и *Воик*, как один из

⁷ Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru>. № 974, 1180–1200 гг.; граффити из новгородского Софийского собора: Древнерусская эпиграфика [Электронный ресурс]. URL: <https://epigraphica.ru/epigraphy/inscription/show/511>, 1045–1109 гг.; <https://epigraphica.ru/epigraphy/inscription/show/709>, 1045–1109 гг.

⁸ Древнерусская эпиграфика [Электронный ресурс]. URL: <https://epigraphica.ru/epigraphy/inscription/show/984>. Граффито известно по слепку, датируется 1045–1180 гг.

⁹ Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru>. № 509, 531.

¹⁰ Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru>. № 974.

¹¹ Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru>. № 78.

¹² Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru>. № 957.

¹³ Древнерусские берестяные грамоты [Электронный ресурс]. URL: <http://gramoty.ru>. № 332, 1160–1170-е гг.

тех, от чьего имени заключался договор, выбрал своим представителем родича как наиболее надежную персону.

Таким образом, имена *Воикъ* и *Воистъ*, доверителя и посла, участвовавших в заключении договора князя Игоря, находят ближайшие аналогии в древнерусском именовании и могут с уверенностью быть отнесены к славянским антропонимам. Вместе с отэтнонимическими именами *Либи* и *Ятвягъ*, а также общепризнанными *Святослав*, *П(е)ред(ъ)слава*, *Володислав*, *Синько* и *Боричь* они образуют древнерусский пласт именованного договора 944 г., насчитывающий 9 имен, что составляет чуть более 6 %. Это немного, но уже достаточно ощутимо, чтобы пролить новый свет на состав древнерусской элиты середины X в.

* * *

Утверждение о полиэтничности высшей знати и преобладании в ее составе скандинавов уже давно стало общим местом при характеристике социального устройства Древней Руси в первой половине – середине X в. Однако эти выводы строятся почти исключительно на археологическом материале, свидетельствующем о контаминации в статусных («княжеских», «воинских») погребениях и в крупных центрах славянской, скандинавской, финской (на севере) и кочевнической (на юге) культур. Участие в заключении договора Игоря лиц, носивших славянские имена, прежде всего в качестве доверителей, но также послов, то есть представителей высшей знати, дает надежное письменное свидетельство интеграции славянской знати в скандинавскую элиту в середине X в.

Несмотря на многочисленные – практически каждым историком Руси XIX и XX вв. – попытки определить социально-политическую структуру Руси X в., она остается предметом дискуссий. А. В. Назаренко справедливо отметил «скудость и неоднозначность источников, на шаткой основе которых», прежде всего текстах русско-византийских договоров, строятся наши представления о ней [Назаренко 2007, с. 169]. Есть, как мне кажется, и вторая причина разнообразия, иногда диаметральной противоположности точек зрения на этот вопрос. Своё видение социально-политической структуры Древней Руси исследователи, как правило, облачают в достаточно жесткую, «одномерную» модель, не предполагающую многообразия возможных реализаций того или иного явления. Однако проявление социально-политических феноменов в одной-единственной («стандартной») форме не характерно для ранних обществ, что было многократно показано в политантропологических исследованиях (см., например: [Earle]; общий обзор см.: [Крадин]). В быстро меняющемся мире эпохи политогенеза многообразие и сосуществование различных форм социально-политических структур является нормой, как нет в раннегосударственных образованиях и жесткого разделения и регламентации функций представителей элиты (см.: [Классен]). Эти общие положения в полной мере относятся к Руси IX–X вв. и требуют учета при обсуждении вопроса о структуре элиты в отражении состава участников договора 944 г.

Лица, имевшие право на личных послов, в том числе *Воик*, – это представители «княжьих» (сюзеренов), от имени которых заключается договор. К элите общества принадлежат и их послы, включая *Воиста*, выполнявшие функцию представителей своих сюзеренов. «Всякая княжья» в тексте договора раскрывается ниже как «князи и бояре его (Игоря. – Е. М.)». Выделение в середине X в. бояр как части высшей элиты, иерархически стоящей на ступеньку ниже князей, не находит подтверждения в источниках. В греческом тексте, как теперь общепризнано, стоял термин «архонты» (ἄρχοντες), которым обозначались все представители элиты, и князья, и высшая знать. Разделение «архонтов» на «князей» и «бояр» принадлежит переводчику конца XI в. По мнению большинства исследователей второй половины XX в.,

«архонты» представляют собой «вассально зависимых (от киевского князя. – Е. М.) князей, членов великокняжеской династии и племенных князей» ([Свердлов, с. 162]; см. также: Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, А. А. Горский и др.) и, как дальше добавляет М. Б. Свердлов, «княжских мужей, управляющих городами с волостями» [Свердлов, с. 197]. Таким образом, в состав элиты входят члены княжеского рода, некие «вассально зависимые» князья, племенные князья, княжеские посадники («княжии мужья») (см. также Г. Г. Литаврин и др.; подробнее об этих точках зрения и их критику см.: [Назаренко 2009, с. 412–414]). А. В. Назаренко в 1996 г. (и в последующие годы) присоединился к более старому толкованию «всякой княжьи» как исключительно членов рода Рюриковичей: «“княжье” договора 944 г. рисуется в виде довольно многочисленной *кровнородственной группы*, члены которой обладают наследственным правом на долю в некоторой сумме собственности (даней. – Е. М.), представляющейся в этом смысле *коллективной собственностью*» ([Назаренко 1996, с. 63]; более подробно то же см.: [Назаренко 2009]). Господствовавшую элиту А. В. Назаренко разделял на две категории: княжьи и «гостей» (купцов), отмечая «двусоставность политической элиты (“всех росов”), состоявшей из княжеского семейства с дружинами, с одной стороны, и скандинавской же по преимуществу (судя по именам “гостей” в договоре 944 г.) верхушки региональных торгово-ремесленных центров – с другой» [Назаренко 2007, с. 172]. В составе «княжьи», таким образом, оказывались и доверители, и послы (причем все они принадлежали к клану Игоря), и купцы. Связав указанные две элитарные категории с противопоставлением «Внешней» (названной Константином Багрянородным) и «Внутренней» (подразумеваемой) Россией, он констатировал, что «концентрировавшийся в Киеве княжеский род и группировавшаяся вокруг него дружина соседствовали с самостоятельными элитами региональных торгово-ремесленных центров. Не состоя в какой-либо личной зависимости от князя (как дружина), именно эти элиты (а не местная родоплеменная знать) были связаны с княжеским Киевом некоего рода договором о данничестве» [Назаренко 2007, с. 173].

Однако торгово-ремесленных центров с «самостоятельными» (обладающими властью?) элитами, то есть, видимо, по мысли А. В. Назаренко, центров, где власть принадлежала бы купеческой верхушке, на Руси не было ни в X в., ни позже. «Пактиотами» росов (киевского князя), то есть субъектами, подчиненными киевским росам согласно договорам о данничестве, Константин Багрянородный, писавший вскоре после заключения договора князя Игоря, называет не «самостоятельные элиты региональных торгово-ремесленных центров» и не сами центры, а «славинии» – славянские общности, занимавшие земли в Среднем Поднепровье и несколько севернее, которые Константин перечисляет в разных местах своего труда: древлян, дреговичей, кривичей, северян, уличей, лендзян и «прочих славян» [Константин Багрянородный, с. 44/45, 50/51, 156/157; Мельникова 2014б]. На их землях (границы которых, определяемые археологически, совершенно не обязательно должны были совпадать с областью, подвластной киевскому князю) могли существовать, а могли и отсутствовать торгово-ремесленные центры, но в них безусловно существовали центры власти, правителями в которых – по свидетельствам ПВЛ – могли быть как местные, славянские «князья» (например, древлянский Мал в Искоростене), так и «посадники» киевского князя (Святослав, который «сидел» в Новгороде при князе Игоре) или, наконец, пришлые «конунги»-скандинавы (основатель Турова некий Тур или Туры, Рогволод в Полоцке). Таким образом, существовало, по крайней мере, три вида правителей локальных центров власти: «посадники» киевского князя, местные князья и закрепившиеся в (захваченных ими?) центрах варяжские предводители. Отношения киевского князя с местными правителями могли существенно различаться: от личной зависимости от него «посадников» до равноправных (?) контактов, например Ярополка и Рогволода.

Как нет доказательств того, что элиты региональных торгово-ремесленных центров были однородны по своему составу, так нет и никаких доказательств того, что все 25 сюзеренов (или 50 «архонтов», то есть сюзерены вместе с их послами, по А. В. Назаренко) образовывали единую кровнородственную группу. Не вызывает сомнения, что в списке доверителей представлена семья князя Игоря, что следует из глосс¹⁴ «сын Игоря», «племянник Игоря». К ней безусловно относятся его сын Святослав, жена Ольга и два племянника, Игорь и Акун. Что касается остальных сюзеренов, то их родство с Игорем неизвестно и, по существу, неустановимо. Присутствие в их числе славянина Воика не опровергает (он мог жениться на родственнице Игоря и войти в круг княжеской семьи), но делает все же менее вероятной родственную связь всех 24 доверителей с Игорем. Традиционно принято считать, что к роду Игоря также принадлежат Предслава и Володислав, что дает основания для вывода о принятии членами княжеского рода славянских имен и, соответственно, о начавшейся ассимиляции скандинавской элиты (об этом автоматически писала и я, например: [Melnikova 2014]). Однако аргументировать принадлежность этих двух лиц, как и остальных сюзеренов, к роду Игоря невозможно. П. С. Стефанович привел убедительные аргументы, что все доверители договора князя Игоря не могли представлять один «родственный клан»; по его мнению, родичами киевского князя являются четыре лица, степень родства которых с Игорем обозначена в тексте: Ольга, Святослав и два племянника [Стефанович, с. 41].

Однако возникает вопрос, почему второй племянник Игоря назван не вместе с другим племянником (судя по глоссе, они занимают равное положение в иерархии доверителей), а ниже, через шесть других лиц. Безусловные три члена семьи Игоря поименованы компактно, по степени близости их родства: сын, жена, племянник. По своему статусу Акун должен был бы быть назван сразу после Игоря, первого племянника князя Игоря. Ближайшую аналогию списку лиц, участвовавших в заключении договора, представляют перечни лиц, сопровождавших княгиню Ольгу, при описании двух ее приемов византийским императором Константином Багрянородным в 957 г.¹⁵ В них точно так же, «иерархически», оговорены статусы лиц в свите Ольги: анепсий (племянник или двоюродный брат), родственницы, служанки, послы, переводчики и проч., причем ее анепсий назван первым. В договоре, как и в описаниях приемов княгини Ольги, порядок перечисления упорядочен: первым называется, естественно, верховный правитель (Игорь в первом случае, Ольга – во втором), затем указываются ближайшие родственники (сын, жена и племянник Игоря в договоре; племянник Ольги в описании приемов), а затем идут другие лица. Анепсий выделен среди других ее родственников и по месту его упоминания, и по размеру «подарков»: на первом приеме он получает 30 миллиарисиев, на втором 20, а «близкие», «свои» (то есть другие родственники: [Стефанович, с. 38]) – по 20 и 12 миллиарисиев [Constantine Porphyrogenetos, p. 511, 594, 597]. Смысл глосс в договоре, вероятно, – отметить тех, кто должен, как ближайший родственник Игоря, получить «подарок», соответствующий его статусу, то есть больший, нежели другие лица. Помещение Акуна не в список родственников, а ниже может иметь, хотя и сугубо гипотетическое, объяснение: шесть лиц, названные между племянниками князя Игоря, Володислав, Предслава, Сфанда, Турдуд, Арфаст и Сфирка, являются также родственниками князя Игоря¹⁶, но более дальними. Составитель протокола преднамеренно поместил их имена между именами племянников князя Игоря, чтобы обособить их от другой «княжки», не прибегая к специальным указаниям на их

¹⁴ О значении этих дополнений как глосс составителей договора см.: [Назаренко 2012].

¹⁵ Подробно о дискуссии по поводу даты поездки княгини Ольги в Константинополь см.: [Щавелев 2020, с. 358–368].

¹⁶ Лиц, имена которых помещены между племянниками Игоря, считал родственниками М.Д. Приселков [Приселков С. 232–242]. См. также [Стефанович. С. 29].

родство с Игорем. Это объясняет и присутствие в списке двух женщин, Предславы и Сфанды, именно в этом месте¹⁷: не будучи правителями каких-то областей (или городов), что вряд ли было возможно, они, как и Ольга, включены в список как родственницы князя Игоря (Сфанда, вероятно, через своего мужа Улеба, что специально оговорено в глоссе). В этом случае к клану Игоря принадлежат 10 человек, остальные 14 доверителей – также представители «князьи», однако не связанные с Игорем родством. Но как бы то ни было с количеством родственников Игоря, можно с достаточной уверенностью полагать, что среди доверителей присутствуют как члены правящего (киевского) клана, так и иные сюзерены.

Последнюю по времени попытку определить статус этой второй группы доверителей, а также послов предпринял П. С. Стефанович, который обстоятельно сопоставил состав посольств князя Игоря и княгини Ольги в 957 г. Он придает ключевое значение соответствию численности «архонтов» договора князя Игоря (в данном контексте под «архонтами» он имеет в виду только доверителей) и «архонтов» в описании приема Ольги у Константина, поскольку «раз численность в разные моменты совпадает, значит, она была устойчивой» [Стефанович, с. 32–45, цитата на с. 45]. Он объясняет эту устойчивость тем, что в обоих случаях «архонты» «представляли некие территории или центры», количество которых было достаточно стабильно: «... эти 25 “князей”/“бояр” (“архонтов”) представляются некими относительно самостоятельными правителями неких отдельных территорий, которые были, однако, объединены понятием Русь/Русская земля и верховной властью одного из этих “архонтов” – киевского» [Стефанович, с. 4, см. также с. 51]. Таким образом, по П. С. Стефановичу, доверители («архонты») – это платящие дань киевскому князю правители (родственники и неродственники князя Игоря) политических образований на территории, обозначенной в тексте договора как «Русская земля».

Однако подобные подсчеты – вещь коварная. Чтобы получить искомое число послов в свите Ольги – 25 [Стефанович, с. 41] (такое число послов однозначно вытекает из договора 944 г.), П. С. Стефановичу приходится и как-то объяснять несоответствия в количестве тех или иных групп участников посольства Ольги на разных приемах, и прибегать к эмендациям. Однако полученный с некоторым трудом результат говорит скорее о более или менее регламентированном размере посольств, нежели о числе самостоятельных правителей «неких отдельных территорий», поскольку их в договоре не 25, а меньше. Во-первых, Игорь и Ольга были правителями Киева, то есть они не входят в число правителей самостоятельных политий. Во-вторых, надо исключить еще и двух женщин, Предславу и Сфанду, хотя и имевших своих послов в силу их статуса, но вряд ли являвшихся правителями отдельных территорий (что признаёт и П. С. Стефанович). Таким образом, при числе послов и доверителей в 25 человек количество предполагаемых «правителей» не превышает 21. Но оно может быть и значительно меньше: ведь в числе как четырех названных, так и шести неназванных родственников Игоря (если исходить из моего предположения, что, лица, указанные между племянниками Игоря, также являются его родственниками), впрочем, как и в числе 14 следующих лиц могли быть «князья», которые находились в Киеве при Игоре, а не «сидели» в других центрах. Поэтому, соглашаясь со П. С. Стефановичем в том, что в числе «князьи» были правители локальных политий, зависимых от Киева, я полагаю, что установить их число невозможно: источники не дают для этого оснований.

Существование политий, находившихся в зависимости от киевского князя, достаточно надежно подтверждает Константин Багрянородный, который называет шесть «славиний», «подплатежных» киевским росам, что, впрочем, ничего не говорит об их реальном количе-

¹⁷ Значительно вероятнее видеть в имени *Ути или *Уть распространенное скандинавское имя Oddi или Oddr.

стве, поскольку он завершает их перечни словами «и другие славинии/славяне» [Константин Багрянородный, с. 44/45, 50/51], то есть знает о том, что есть еще какие-то славянские политии, но не находит нужным назвать их или не знает их названий. Впрочем, каково бы ни было число славянских политий и их правителей-«архонтов», для характеристики социально-политического строя Руси середины X в. важно само существование «славиний», или славянских политий, подвластных Киеву, и признание части лиц, от имени которых заключается договор князя Игоря, правителями этих территориально-политических образований.

Еще один важный вопрос, поднятый П. С. Стефановичем, – это вопрос о статусе второй группы лиц, участвовавших в заключении договора, – послов. Вероятное греческое *ἄρχοντες*, включавшее как доверителей, так и послов, расшифровывается переводчиком договора как «князи и бояре». Существование термина *бояре* в середине X в. сомнительно, и более вероятно, что его вставил переводчик. Но важно то, что переводчик XI в. четко различает два иерархически соподчиненных слоя знати, что находит подтверждение в летописных рассказах о событиях X в. (например, в рассказе о взимании дани с древлян «воеводой» Свенельдом, где противопоставлены дружина «воеводы» и дружина князя). П. С. Стефанович сопоставляет с «боярами» княжеских «мужей». «Представляя-замещая князя, он (посол. – Е. М.) выступает от его имени и защищает его интересы». Таким «мужем» П. С. Стефанович видит Претича и так характеризует его статус: «Претич – “муж” Святослава, но вместе с тем он и в известной мере самостоятелен и значителен, ибо возглавляет некую группу местного населения и обладает достаточным статусом и достатком, чтобы заключать договор с вождем печенегов и одаривать его», получая от него подарки [Стефанович, с. 44]. Послы, названные таким образом в договоре князя Игоря (и в свите княгини Ольги), – это «мужи» на службе киевского князя и других, в том числе локальных, «князей». Такими княжескими «мужами» были, например, Свенельд, «воевода» Игоря и Святослава, Асмунд, «кормилец» Святослава [Стефанович, с. 52]. Функции послов и купцов при подписании договора, по мнению П. С. Стефановича, были различны: послы представляли политические интересы «князей» во главе с киевским князем, купцы – их коммерческие интересы [Стефанович, с. 40].

Как мне представляется, в первой категории участников заключения договора при князе Игоре, доверителей, выделяются две группы: 5 или 11 Рюриковичей, включая самого Игоря, и некие «архонты», к которым относится Воик. Клан Игоря обладал коллективным правом на власть (и, соответственно, на собственность в виде даней и военной добычи), что типично для раннегосударственной политической организации. Поэтому в этой группе представлены не только жена Игоря, княгиня Ольга, но и еще две женщины, Предслава и Сфанда. Если положение первой неизвестно, то Сфанда – вдова, причем указано имя ее мужа. Такое указание имело смысл, только если Сфанда после смерти Улеба унаследовала его статус, а следовательно, и его права, в том числе право отправлять своего посла в соответствующих случаях. Вряд ли можно безоговорочно утверждать, что все члены клана Рюриковичей находились в Киеве, как полагал А. В. Назаренко. Из сообщения Константина Багрянородного известно, что при жизни Игоря его сын Святослав «сидел» в Новгороде [Константин Багрянородный, с. 44/45], надо полагать, представляя власть своего отца в качестве его посадника (ср. аналогичную ситуацию с Владимиром при Святославе Игоревиче и Ярославом при Владимире Святославиче).

Определение П. С. Стефановичем первой группы «архонтов» (доверителей) как самостоятельных, хотя и связанных договорными отношениями с Киевом правителей политий представляется мне убедительным, но это справедливо только для тех, кто не принадлежал к клану Рюриковичей. Некоторые «архонты» из рода князя Игоря, вероятно, могли находиться в Киеве (при Игоре), другие могли быть «посадниками» князя в особо важных центрах

(вновь завоеванных? имеющих особое значение для торговли?). Так, уже в следующем поколении Святослав «сажает» своих сыновей в Киеве, Новгороде и недавно усмирённой Древлянской земле, а спустя ещё 20–30 лет Владимир направляет своих многочисленных сыновей в старые и новые городские центры. Выполнение ими функции «посадников» киевского князя существенно ограничивало их независимость, в отличие от самостоятельных правителей.

П. С. Стефанович считает, что в числе «архонтов» не могли быть «племенные князья», имея в виду правителей славянского происхождения. Основанием для этого служит то обстоятельство, что имена «архонтов» имеют исключительно скандинавское происхождение [Стефанович, с. 45]. Включение в список «архонтов» человека, вероятно, не связанного с князем Игорем родством и носящего древнерусское имя *Воикъ*, свидетельствует о сохранении некоторыми «местными», то есть славянскими, «князьями» главенства в своих политиях (как до времени древлянский «князь» Мал). Наряду со скандинавскими правителями политий («малыми конунгами» – *smákonungar* или «ярлами»), они интегрировались в высшую элиту становящегося государства. Вероятно, в Восточной Европе, как и в самой Скандинавии, все зависело от позиции местного правителя: «добровольно» подчинившись киевскому князю, он сохранял свой статус и свою власть над политией; оказав сопротивление, был убит (как Мал) или принужден бежать, а его место занимал представитель («посадник») киевского князя.

Опять же соглашаясь с П. С. Стефановичем, что статус послов в договоре может быть соотнесён со статусом княжых «мужей» (не только киевского князя, но и периферийных правителей), хочу специально подчеркнуть бóльшую разноэтничность этой категории элиты по сравнению с высшей знатью, в среде которой есть только скандинавы и славяне. Среди 25 послов скандинавы тоже доминируют: их число достигает 19 (если имя *Мутуръ* считать скандинавским, производным от др.-сканд. основ *Mund-* или *Móð-* и *Þórr*). Однако оставшиеся шесть послов, судя по их именам, происходят из самых разных регионов. Среди них славянин Воист, посол Воика; представители восточно-прибалтийских народов (или лица, имевшие с ними тесные связи): Либи, посол Арфаста, Ятвяг, посол Гуннара, и скандинав (?) Истр, посол Аминода, а также, возможно, баварец Каницар, посол Предславы [Strumiński, p. 169]. Посол княгини Ольги, Искусев, возможно, носит прибалтийско-финское имя¹⁸ или, что вероятнее, скандинавское. Таким образом, состав как великокняжеских «мужей», так и «мужей» местных правителей к середине X в. оказывается существенно размытым этнически (как и конфессионально: в числе приносивших клятву при заключении договора – не тех же ли самых послов? – было уже немало христиан, для которых была предусмотрена христианская процедура принесения клятвы).

Третья категория участников заключения договора – купцы (гости) – представлена почти исключительно скандинавами. В их именовании есть лишь два (?) славянина: Синько и Боричь – и некий Пубьксарь/Апубкарь, имя которого было впервые убедительно интерпретировано как искажённое *Абу Бакр*, мусульманское имя, которое мог носить либо представитель одного из исламизированных восточноевропейских народов (например, хазарин, волжский болгарин), либо скандинав (или славянин), принявший ислам для облегчения торговли с арабским миром [Щавелев 2024]. Скандинавские купцы эпохи викингов ещё не составляли сколько-нибудь профессиональной группы населения. Подавляющим большинством «купцов» были те же самые воины, которые ходили в викингские походы, грабили прибрежные поселения и монастыри, захватывали и привозили рабов на рынки Халифата, Византии, Западной Европы. Отправляясь за море с целью торговли, «купцы» молниеносно превращались в грабителей,

¹⁸ Присутствие в ближайшем окружении Ольги эста хорошо согласуется с её вероятным происхождением из Пскова, граничащего с территорией расселения эстов.

если предоставлялся удобный случай. С другой стороны, нагруженный товарами корабль представлял собой заманчивую добычу для викингов, и купцам было необходимо владеть оружием не хуже нападавших. Преображение воинов в купцов и обратно прекрасно иллюстрирует рассказ Константина Багрянородного о «суровом образе жизни» росов: княжеские дружины выходят осенью из Киева для сбора дани, выступая в качестве воинов, а весной отправляются в Константинополь в качестве купцов для продажи собранной дани [Константин Багрянородный, с. 50–51]. Такую двойственность предполагала сама военно-торговая экономика, на которой основывалась жизнь скандинавской элиты как в Скандинавии, так и в Восточной Европе IX–X вв. [Мельникова 2017]. Купцы договора – эта военная элита Древней Руси, составлявшая дружины как киевских князей, так и локальных правителей.

Таким образом, лица, участвовавшие в заключении договора князя Игоря, принадлежали к трем слоям элиты древнерусской политики середины X в. Первую («княжья» договоров, вероятно *ἄρχοντες* греческого текста) образовывали члены рода Рюриковичей и правители относительно самостоятельных политий, подчиненных на договорной основе киевскому князю. В договоре 944 г. они выступают в качестве лиц, от имени которых заключается договор. Вторую категорию – послов – составляют княжеские «мужи». Третья группа – это княжеские дружинники, выступающие в данном случае в качестве купцов. Древнерусская знать, таким образом, в середине X в. не являлась однородной, она была иерархизирована и представлена тремя уровнями статусов, что является признаком раннегосударственных образований.

Во всех категориях знати доминируют скандинавы. Однако в наибольшей степени проникаемы для представителей других этносов, в том числе славян, оказываются первые две категории высшей знати – «княжья» и «княжии мужи», что отражает неоднократно отмечавшуюся на другом материале восприимчивость нобилитета к новым социально-политическим, идеологическим и культурным импульсам.

Источники

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. 493, [2] с., [1] л. ил.

Повесть – Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; Под ред. В. П. Адриановой-Перетц; [Доп. М. Б. Свердлова]. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. 667 с.

ПСРА. М., 1997. Т. 1. VIII, 733 с.; М., 1998. Т. 2. 1105 с. разд. паг.; Л., 1925. Т. 5. Вып. 1. 240 с.; СПб., 2002. Т. 42. 221 с.

Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies (De ceremoniis aulae byzantinae) / Transl. and Annotated by A. Moffatt and M. Tall. Canberra, 2012. Vol. 2. 403 p.

I trattati – I trattati dell'antica Russia con l'imperio Romano d'Oriente / Договоры Древней Руси с Восточной Римской империей / Dir. P. Catalano, A. N. Sacharov. Roma; Mosca, 2010. 196 p.

Литература

Введенский А. М. К уточнению стеммы списков «Повести временных лет»: Источник протографа Радзивилловского и Московско-Академического списков // *Graphosphera*. 2022. Т. 2. Вып. 2. С. 134–145. DOI 10.32608/2782-5272-2022-2-2-134-145

Гиппиус А. А. О критике текста и новом переводе-реконструкции «Повести временных лет» // *Russian Linguistics*. 2002. Т. 26. С. 63–126.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004. 874 с.

Классен М. Раннее государство: структурный подход // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2014 год: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2016. С. 8–90.

Крадин Н. Н. Происхождение неравенства, цивилизации и государства. СПб., 2021. 335 с.

- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропонимики. М., 2006. 740 с.
- Мельникова Е. А. Отэтнонимические имена в русско-византийском договоре 944 г. // ПОЛИТРОПОС. Сборник памяти А. А. Молчанова. М., 2014. С. 214–222. [Мельникова 2014а]
- Мельникова Е. А. Росы и их пактиоты в трактате «Об управлении империей» Константина Багрянородного // «По любви, въ правду, безо всакие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина. М., 2014. С. 75–88. [Мельникова 2014б]
- Мельникова Е. А. Экономические системы в эпоху возникновения государства: Древняя Русь и Скандинавские страны // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 390–440.
- Мельникова Е. А. Этноним *eistr/æistr* в древнескандинавском именовании // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти В. Т. Пашуто: Этно- и топонимия в социокультурных практиках. М., 2025. [Вып.] 37. С. 166–172.
- Назаренко А. В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства // Восточная Европа в древности и средневековье. Чтения памяти В. Т. Пашуто. М., 1996. [Вып.] 8: Политическая структура Древнерусского государства. С. 58–63.
- Назаренко А. В. «Слы и гостие»: о структуре политической элиты Древней Руси в первой половине – середине X века // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2007. [Вып.] 19: Политические институты и верховная власть. С. 169–174.
- Назаренко А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X века: Киев и «Внешняя Русия» Константина Багрянородного // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. СПб., 2009. (Труды Государственного Эрмитажа; 49). С. 411–425.
- Назаренко А. В. Об обстоятельствах перевода договоров Руси с греками на славянский язык // *Ruthenica*. 2012. Т. 11. С. 147–153.
- Николаев С. Л. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет» // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14. № 2. С. 7–54.
- Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1941. Вып. 8. С. 215–246.
- Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой половины XIII в. СПб., 2003. 735 с.
- Стефанович П. С. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. // Труды Института российской истории РАН. М., 2013. Вып. 11. С. 19–57.
- Томсен В. Начало Русского государства. М., 1891. (ЧОИДР. Кн. 1. Ч. 2). 136 с.
- Тохтасьев С. Р. Язык трактата Константина Багрянородного *De administrando imperio* и его иноязычная лексика. СПб., 2018. 679 с.
- Тушиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М., 2005. 1032 с.
- Щавелев А. С. Хронотоп державы Рюриковичей (911–987 годы). М., 2020. 557 с.
- Щавелев А. С. Ислам у народа русь в X в. // Отрада страстно желающей достичь истины. Сборник статей ко дню рождения И. Г. Коноваловой. М., 2024. С. 153–155.
- Earle T. Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom. *Ann Arbor*, 1978. 205 p.
- Gippius A. A. Reconstructing the Original of the *Povest' Vremennyh Let*: a Contribution to the Debate // *Russian Linguistics*. 2014. Vol. 38. P. 341–366.
- Guimon T. V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021. 477 p.
- Melnikova E. A. Acculturation of Scandinavians in Ancient Rus' as Reflected by Language and Literacy // *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne* / P. Bauduin, A. Musin (dir.). Caen, 2014. P. 363–376.
- Peterson L. *Nordisk runnamnlexicon*. 5 utg. Uppsala, 2007. 345 s.
- Strumiński B. Linguistic Interrelations in Early Rus': Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries). Roma, 1996. 353 p.

References

- Earle, T. Economic and Social Organization of a Complex Chiefdom. Ann Arbor, 1978. 205 p.
- Gippius, A. A. O kritike teksta i novom perevode-rekonstruktsii "Povesti vremennykh let". In *Russian Linguistics*. 2002. Vol. 26. Pp. 63–126. (In Russ.)
- Gippius, A. A. Reconstructing the Original of the Povest' Vremennykh Let: a Contribution to the Debate. In *Russian Linguistics*. 2014. Vol. 38. Pp. 341–366.
- Guimon, T. V. Historical Writing of Early Rus (c. 1000 – c. 1400) in a Comparative Perspective. Leiden; Boston, 2021. 477 p.
- Klassen, M. Rannee gosudarstvo: strukturnyi podkhod. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2014 god: Drevnyaya Rus' i srednevekovaya Evropa: vzniknovenie gosudarstv*. Moscow, 2016. Pp. 8–90. (In Russ.)
- Kradin, N. N. Proiskhozhdenie neravenstva, tsivilizatsii i gosudarstva. Saint Petersburg, 2021. 335 p. (In Russ.)
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Vybor imeni u russkikh knyazei v X–XVI vv. Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki. Moscow, 2006. 740 p. (In Russ.)
- Melnikova, E. A. Acculturation of Scandinavians in Ancient Rus' as Reflected by Language and Literacy. In *Vers l'Orient et vers l'Occident: regards croisés sur dynamiques et les transferts culturels des Vikings à la Rous ancienne*. P. Bauduin, A. Musin (dir.). Caen, 2014. Pp. 363–376.
- Melnikova, E. A. Otetnonimicheskie imena v russko-vizantiiskom dogovore 944 g. In *ΠΟΛΙΤΡΟΠΙΟΣ. Sbornik pamyati A. A. Molchanova*. Moscow, 2014. Pp. 214–222. (In Russ.)
- Melnikova, E. A. Rosy i ikh paktioty v traktate "Ob upravlenii imperiei" Konstantina Bagryanorodnogo. In *"Po lyubvi, v" pravdu, bezo vsyakiye khitrosti": Druz'ya i kollegi k 80-letiyu V. A. Kuchkina*. Moscow, 2014. Pp. 75–88. (In Russ.)
- Melnikova, E. A. Ekonomicheskie sistemy v epokhu vzniknoveniya gosudarstva: Drevnyaya Rus' i Skandinavskie strany. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2015 god: Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekov'e*. Moscow, 2017. Pp. 390–440. (In Russ.)
- Mel'nikova, E. A. Etnonim *eistr/æistr* v drevneskandinavskom imenoslove. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Chteniya pamyati V. T. Pashuto: Etno- i toponimiya v sotsiokul'turnykh praktikakh*. Moscow, 2025. [Iss.] 37. Pp. 166–172. (In Russ.)
- Nazarenko, A. V. Nekotorye soobrazheniya o dogovore Rusi s grekami 944 g. v svyazi s politicheskoi strukturoi Drevnerusskogo gosudarstva. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Chteniya pamyati V. T. Pashuto*. Moscow, 1996. [Iss.] 8: Politicheskaya struktura Drevnerusskogo gosudarstva. Pp. 58–63. (In Russ.)
- Nazarenko, A. V. "Sly i gostie": o strukture politicheskoi elity Drevnei Rusi v pervoi polovine – seredine X veka. In *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e*. Moscow, 2007. [Iss.] 19: Politicheskies instituty i verkhovnaya vlast'. Pp. 169–174. (In Russ.)
- Nazarenko, A. V. Territorial'no-politicheskaya struktura Drevnei Rusi v pervoi polovine X veka: Kiev i "Vneshnyaya Rosiya" Konstantina Bagryanorodnogo. In *Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo sveta*. Saint Petersburg, 2009. (Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha; 49). Pp. 411–425. (In Russ.)
- Nazarenko, A. V. Ob obstoyatel'stvakh perevoda dogovorov Rusi s grekami na slavyanskii yazyk. In *Ruthenica*. 2012. Vol. 11. Pp. 147–153. (In Russ.)
- Nikolaev, S. L. K etimologii i sravnitel'no-istoricheskoi fonetike imen severogermanskogo (skandinavskogo) proiskhozhdeniya v "Povesti vremennykh let". In *Voprosy onomastiki*. 2017. Vol. 14. No. 2. Pp. 7–54. (In Russ.)
- Peterson, L. Nordisk runnamnlexicon. 5 utg. Uppsala, 2007. 345 s.
- Priselkov M. D. Kievskoe gosudarstvo vtoroj poloviny X v. po vizantijskim istochnikamю In *Uchenye zapiski Leningradskogo gos. universiteta. Ser. ist. nauk*. L., 1941. Vyp. 8. S. 215–246. (In Russ.)
- Shchhavelev, A. S. Khronotop derzhavy Ryurikovichei (911–987 gody). Moscow, 2020. 557 p. (In Russ.)
- Shchhavelev, A. S. Islam u naroda rus' v X v. In *Otrada strastno zhelayushchei dostich' istiny. Sbornik statei ko dnyu rozhdeniya I. G. Kononovoi*. Moscow, 2024. Pp. 153–155. (In Russ.)
- Stefanovich, P. S. Pravyashchaya verkhushka Rusi po russko-vizantiiskim dogovoram X v. In *Trudy Instituta rossiiskoi istorii of the Russian Academy of Sciences*. Moscow, 2013. Iss. 11. Pp. 19–57. (In Russ.)

- Strumiński, B. Linguistic Interrelations in Early Rus': Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries). Roma, 1996. 353 p.
- Sverdlov, M. B. Domongol'skaya Rus': Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi poloviny XIII v. Saint Petersburg, 2003. 735 p. (In Russ.)
- Tokhtas'ev, S. R. Yazyk traktata Konstantina Bagryanorodnogo *De administrando imperio* i ego inoyazychnaya leksika. Saint Petersburg, 2018. 679 p. (In Russ.)
- Tomsen, V. Nachalo Russkogo gosudarstva. Moscow, 1891. (Chteniya v Obshchestve istorii i drevnstei rossiiskikh pri Moskovskom universitete. Book 1. Part 2). 136 p. (In Russ.)
- Tupikov N.M. Slovar' drevnerusskikh lichnyh sobstvennyh imen. M., 2005. 1032 s. (In Russ.)
- Vvedenskii, A. M. K utochneniyu stemmy spiskov "Povesti vremennykh let": Istochnik protografa Radzivilovskogo i Moskovsko-Akademicheskogo spiskov. In *Graphosphaera*. 2022. Vol. 2. Iss. 2. Pp. 134–145. DOI 10.32608/2782-5272-2022-2-2-134-145 (In Russ.)
- Zaliznyak, A. A. Drevnenovgorodskii dialekt. 2nd edition, revised and expanded. Moscow, 2004. 874 p. (In Russ.)

Elena A. Melnikova

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

VOISTŬ VOIKOVŬ IN THE RUSSIAN-BYZANTINE TREATY OF 944
AND THE COMPOSITION OF THE RUS ELITE IN THE MID-TENTH CENTURY

Most of the persons (76 or 77), who participated in the conclusion of the Russian-Byzantine treaty in 944, bear Old Norse names. The number of persons with Slavic names, Svjatoslavъ, Pere(d)slava, Volodislavъ (principals) and Sin'ko and Borich' (merchants) can be supplemented with names *Voikъ (principal) and Voistъ (ambassador, probably a hypocoristic of Voigost) together with two names derived from Old Russian ethnic names Libi and Jatvjagъ. Thus, the knjazhja (princes) include members of Prince Igor's clan and rulers of local polities, both of Scandinavian and Slavic origins. The group of ambassadors, "princes' men", is polyethnic while the merchants/warriors are almost all Scandinavians. The three-level hierarchy of the Russian elite in the mid-tenth century is one of the indicators of an early-state polity.

Keywords: Russian-Byzantine treaty of 944, Slavic personal names, composition of the Old Russian elite in the mid-tenth century